

Права детей и закон ремня

Борьба за права детей в России вышла на новую стадию — активного протеста взрослых против этой борьбы.

20 июля уполномоченный при президенте РФ по правам ребенка Павел Астахов обратился к министру образования Андрею Фурсенко с предложением провести 1 сентября в российских школах День правовых знаний. В рамках которого школьникам расскажут, какими правами они обладают и как они могут себя защитить...

...Первый и очевидный результат кампании по ознакомлению детей с их правами пугает и злит взрослых. Дети начинают восторженно тыкать взрослым в нос: у меня есть право иметь свое мнение, выражать свои мысли, и еще право на отдых, вот! Поэтому уроки делать не буду, я свободный человек. Подрыв основ, тут же пугаются взрослые. И при виде детских буклетов «Права ребенка» мрачно вопрошают, где буклет «Обязанности ребенка».

А пугаться не надо. Свобода — вообще идея для ребенка сложная. Она и для взрослого непростая. Понимание сложной связи между правами и обязанностями, свободой и ответственностью приходит к ребенку не сразу, его надо долго выращивать. И информирование детей об их правах — только первая ступенька в этом процессе.

В детских головах царит правовой хаос, замешанный на цитатах из кино и телепередач. Дети с удовольствием осваивают эффектный вокабуляр: «это свободная страна», «вы не имеете права», «будете разговаривать с моим адвокатом». Один четвероклассник, например, любит читать на досуге Уголовный кодекс и изводить учителей своими познаниями. Едва те повысят голос, мальчик им: «Превышение должностных полномочий, статья 286 УК РФ, от штрафа до лишения свободы на срок до 4 лет». Учителя злятся, но крыть нечем.

Российские правовые ресурсы для детей (их сейчас много — и сайтов, и брошюр) обычно знакомят детей с выдержками из Конвенции о правах ребенка. Выбирают то, что имеет прямое отношение к среднему российскому ребенку: право на образование, равенство, свободное выражение мыслей, собственное мнение, защиту от жестокого обращения, досуг и отдых. Поскольку все это абстрактные понятия с широким значением, дети радостно отождествляют право на отдых с бездельем, а равенство — с телевизором после полуночи. Взрослые об этих младенческих уловках говорят в драматических тонах, как о Подрыве Устоев Семьи и Разрушении Авторитета Учителя.

Но ни устоям, ни авторитетам ничего не угрожает, когда взрослые оказываются в состоянии грамотно и серьезно обсудить с детьми сложные вопросы о законе, границах свободы и компетенции. Интересно, что во многих странах разговор о правах с детьми вообще начинают не с трудной идеи равенства или свободы, а с более простых пунктов Конвенции, которые обычно исключаются из разговора с российскими детьми как нерелевантные: право жить, знать своих родителей и не разлучаться с ними, иметь имя, еду и чистую воду, получить хотя бы начальное образование бесплатно, не быть проданными, не работать до определенного возраста и не участвовать в войнах ни на чьей стороне. Недавно я видела в маленьком норвежском музее экспозицию для детей о правах ребенка. В картинках: вот Майкл, 9 лет, работает на бойне; вот Зульфия, 10 лет, шьет спортивные костюмы на фабрике; вот Мохаммед, 9 лет, он солдат. Такая наглядность неплохо ставит детям головы на место и задает верный масштаб проблем: так понятнее, что домашнее задание — это не покушение на свободу, а реализация права на учебу. Более того, появляется даже понимание, что страна, в которой они живут, не самая плохая в мире, ибо многие базовые права здесь обеспечены с рождения.

Разговор с ребенком о его правах — это разговор о правилах жизни во взрослом мире, о жизни в рамках закона. Но взрослые, увы, сами в этих рамках еще не ориентируются.

Старые правила отмерли, новые не выросли. За что уважают человека в нашем обществе? За деньги, за

возраст, за достижения? Следует ли уважать должность (например, президентскую), независимо от того, какой на ней человек? Следует ли вставать при входе профессора в аудиторию? Тут и взрослые не могут договориться, и дети это прекрасно чувствуют.

В моем детстве детей не уважали: уважать пока нечего, сперва стать личностью. Сейчас массажи уже кое-как овладела идея, что человек с рождения обладает ценностью и достоинством. Детям, конечно, нравится быть равными. И равенство в их понимании (пока не пробудится мысль) напоминает праздник непослушания.

Конечно, дети не равны взрослым по дееспособности. Но, безусловно, равны им по ценности их жизни и по человеческому достоинству. Для детей должны быть установлены четкие границы их компетенции и ответственности; знать эти границы ребенку важно прежде всего для его собственного душевного благополучия, это азы детской психологии.

Но взрослые безнадежно путают достоинство с дееспособностью, ограничения с унижениями, пресечение с наказанием. Устанавливать границы без оскорбления и унижения — редкое ноу-хау среди российских взрослых, дать ремня проще.

Отказ от насилия и требование уважать права ребенка звучат для российского уха как отказ от права ограничивать ребенка, внушать ему представления о правилах и порядке. Особенно наглядно это проявляется в ходе батальи о ювенальной юстиции и школьных омбудсменах: это что же, и выпороть теперь ребенка нельзя? и из класса выставить нельзя? а как тогда их воспитывать?

Меньшинство — особенно соблазненное модными ересями вроде детей индиго — наоборот, путает послушание с рабством, а подчинение правилам с тоталитаризмом. Результат воспитания без границ обычно так безобразен, что порождает иллюзии о пользе порки.

У нашего общества нет опыта сознательного, нетоталитарного подчинения разумным правилам — не из страха наказания, а по собственному выбору, потому что так надо. И детям передать почти нечего.

Общество только учится играть по правилам: пропускать пешеходов на зебре, платить налоги, соблюдать авторское право, не кидать мусор мимо урны, решать конфликты, в том числе школьные, цивилизованно.

Школа — новая для ребенка сфера жизни с новыми правилами. Во многих странах мира школы подписывают с учениками соглашения: мы тебя учим, а ты подчиняешься нашим порядкам. Подписать документ должен именно ребенок, даже если еще не умеет читать и писать (родители читают ему вслух). Например, в одной финской школе первоклассники подписывают бумагу, где сказано: «Мы приходим вовремя и заходим в класс по звонку. Мы соблюдаем спокойную обстановку в классе и столовой. У нас в школе уютно и приятно. Поэтому мы не мусорим в школе и не пачкаем стены и мебель. Каждый из нас сам следит за своими вещами. Мы бережем свои и чужие вещи, поэтому если в школе что-то испортилось или сломалось — мы сообщаем об этом». Оставшаяся часть документа касается правил безопасности, отношений друг с другом (в том числе нетерпимости к травле), использования мобильных и т.п. В заключение сказано: «В нашей школе мы коллективно отвечаем за то, чтобы каждому было приятно ходить в школу».

На восемь правил — ни одного «категорически запрещается» или «должны». Четко изложены ценности, которых придерживается школа, предъявлены разумные требования (а не навязаны глупые ограничения, как наши дети обычно воспринимают правила).

Наши школы тоже начали вводить правила. Мне в прошлом году пришлось подписаться под бумагой «С уставом школы ознакомлена». Устав требовал от меня (от меня, а не от ребенка) обеспечить чад рабочее место дома, гарантировать выполнение им норм поведения в школе и домашних заданий, ликвидацию задолженностей и ношение одежды делового стиля.

Уставы российских школ, как правило, основаны на типовом уставе общеобразовательных учреждений, поэтому почти все содержат тот же набор требований к родителям и минимум требований к ученику. Осилить устав школы не всякий взрослый может: скучно. Некоторые школы составляют для учеников не менее скучные перечни рекомендаций типа «осторожно обращаться с жидкой и горячей пищей в столовой». Поиск по сайтам школ быстро показал, что самые толковые правила для учащихся существуют почему-то в школах Южного округа Москвы. Разгадка нашлась тоже быстро: именно в этих школах работают пресловутые омбудсмены — уполномоченные по правам ребенка. Какая связь?

Вот такая. Защита прав ребенка требует разрешения конфликтов. А в них ребенок не всегда невинная жертва. И омбудсменам, изначально призванным защищать права ребенка, пришлось присматривать за соблюдением прав всех участников образовательного процесса: учителей, родителей и учеников.

Противников у института омбудсменов много. Считается, что новшество приведет к бесправию учителей, сбору компромата на них, беспределу учеников и доносам детей на взрослых. Чтение отчетов школьных уполномоченных, однако, показывает, что дети часто идут к ним просто разобраться: можно ли им задавать столько заданий на выходные, можно ли поставить в классе кулер, может ли учитель так поступать... Оказывается, что конфликты чаще всего обусловлены неправомерной реакцией учителя на неправомерный поступок ученика. Что надо налаживать диалог взрослых и детей по важным вопросам школьной жизни вроде формы одежды и отсутствия перегородок в туалетах. В хорошо отлаженной системе все эти вопросы решаются в дежурном порядке. В плохо отлаженной — приводят к детско-взрослой войне. Пока система отлаживается, кто-то должен наблюдать за обязательностью закона для всех.

Школе давно пора — взрослым и детям, с омбудсменами или без них — учиться жить в рамках закона и решать конфликты мирным путем. И учиться этому надо всех поголовно и с детства — тогда есть хоть какая-то надежда, что общество когда-нибудь научится уважать закон и следовать ему.

Комментарий

Евгений Бунимович, уполномоченный по правам ребенка в городе Москве, заслуженный учитель России:

— Многие взрослые путают воспитание и дрессировку. Дрессировщик, даже если он самый заслуженный артист с огромным стажем, никогда не поворачивается к хищникам спиной. Могут съесть с потрохами. А задача воспитания в том, чтобы дети вели себя по-человечески и тогда, когда тебя нет рядом. А это невозможно без воспитания в них самоуважения и чувства собственного достоинства. И никакое понимание ответственности невозможно без осознания своих прав и свобод.

Омбудсмены появились в школах не по указке чиновников сверху — этот процесс идет естественным путем. Сейчас в Южном округе Москвы они больше чем в 140 школах, они появились и в Северо-Восточном округе, и в Зеленограде. В других округах — другие формы: например, «школы примирения» (стороны встречаются за столом переговоров с нейтральным посредником и вырабатывают программу примирения. — Прим. ред.). Этот опыт естественным образом развивается, потому что он востребован — детьми, взрослыми, временем.

Автор: Ирина Лукьянова © Новая газета ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 6194 26.07.2010, 13:15 📌 416
URL: <https://babr24.com/?ADE=87411> Bytes: 10607 / 10591 [Версия для печати](#)

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Ирина
Лукьянова.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)